

Глава 47: Третий день после свадьбы

—

V.

Гу Чжэнь проследил за взглядом матери и увидел Гу Яна и Се Чаньюэ. Те стояли так близко, что едва не касались друг друга лицами, совершенно не замечая окружающих. Его длинные брови невольно дрогнули.

«...Белое запястье растирает тушь, алый рукав источает аромат...»

Разве не об этом ли веками мечтали все ученые мужи?

Хм, а его младший брат знает толк в удовольствиях.

Гу Сьюань, всегда отличавшийся чуткостью, в этот момент поднял глаза и встретился с тем далеким, полным сложных чувств взглядом. Оценив, кто на него смотрит, он лишь слегка прищурил свои узкие глаза и равнодушно отвернулся.

Он вел себя так, будто этого человека вовсе не существовало.

Гу Чжэнь остолбенел.

Это был уже второй раз, когда он беспричинно почувствовал, будто Гу Ян смотрит на него сверху вниз, словно на дорожную пыль.

Но на каком основании?

Почему Гу Ян смеет презирать его? В чем Гу Ян лучше? Внешность, знания, положение среди людей — он уступает во всём... Даже этот гер, которого он сейчас так балует, — всего лишь тот, от кого Гу Чжэнь сам отказался.

«Хм... Возможно, настанет день, когда я взойду в золотой список победителей экзаменов, и разрыв между нами станет непреодолимым. Тогда, быть может, Гу Ян увидит это же пренебрежение в глазах своего любимого супруга. Это будет весьма забавно...»

В этот день, когда на небосклоне еще мерцали редкие звезды, а далекие горы были окутаны тонкой дымкой цвета индиго, Гу Сьюань осторожно переложил спящего супруга на другую сторону кровати и рано встал, чтобы одеться.

Когда он, собравшись, открыл дверь, дверь соседней комнаты тоже отворилась.

Гу Лаоэр зевнул, глядя на сына:

— Чего так рано вскочил? Я же сказал, что сам схожу в деревню Мэй за мясом.

Гу Сьюань покачал головой:

— Пусть отец спит дальше, я сам схожу.

Гу Лаоэр негромко хмыкнул и не стал спорить, повернувшись, чтобы вернуться в комнату. Раз сын такой сознательный, ему же легче — в конце концов, ему и самому хотелось вернуться в постель и обнять своего супруга.

Гу Сьюань прикрыл за собой калитку и зашагал по сельской дороге.

Ранний летний ветерок, обдувавший тело, не казался холодным, принося лишь безграничную свежесть. Постепенно Гу Сьюань ускорил шаг, решив попробовать пробежаться.

Тело прежнего владельца было телом типичного книжника и сильно уступало его собственному, так что он давно планировал заняться тренировками. Хорошо, что было еще слишком рано и на дороге не было ни души, иначе вид ученого в длинном халате, неистово бегущего вопреки всяким приличиям, наверняка стал бы темой для пересудов за чаем.

Пробежав около десяти минут, он увидел большой камень с высеченным названием «Деревня Мэй». Гу Сьюань остановился, восстанавливая дыхание.

В округе только в этой деревне был мясник. Помимо того, что в праздники он ходил по дворам забивать свиней, в обычные дни он держал лавку у себя дома, открывая торговлю раз в несколько дней по утрам. Спрос всегда превышал предложение.

Гу Сьюань специально пришел пораньше, потому что сегодня был третий день после свадьбы — день, когда Се Чаньюэ должен был навестить родительский дом (Хуймэнь).

Вчера старая госпожа Гу и Му Ся уже обсудили подарки для визита: два цзиня свинины, петух, сладости, вино и сахар, а также кое-что из домашнего хозяйства. Сахар, вино и сладости привез из города Гу Лаосань, так что на них лишних денег тратить не пришлось.

Когда Гу Сьюань подошел к мясному прилавку, там уже было трое-пятеро покупателей. Мясник вовсю рубил кости и резал мясо. Юноша встал в стороне, заложив одну руку за спину, и молча ждал своей очереди.

Люди, купившие мясо, оборачивались и, завидев высокую фигуру, невольно расширяли глаза.

Гу Сьюань стоял прямо и гордо, одетый в длинный лазурный халат из хлопка. Его черные волосы были высоко собраны, открывая суровые и глубокие черты лица, которые невозможно было забыть.

Даже пройдя довольно большое расстояние, они все еще сбились в кучу и перешептывались между собой, гадая, кто этот молодой человек, такой красивый и внушительный, в длинной мантии, ученый, и женат ли он или нет...

Даже грубый, могучий мясник, завидев Гу Сьюаня, расплылся в улыбке и даже немного приглушил свой громовой голос.

Расплатившись за мясо, на обратном пути Гу Сьюань уже не бежал. На дороге стали появляться люди, и почти каждый невольно провожал его взглядом, после чего одобрительно цокал языком.

Когда Гу Сьюань, неся мясо, завернутое в листья, толкнул калитку своего двора, семья Гу уже была на ногах.

Гу Цинцин сидела на корточках в углу, чистя зубы веточкой ивы. Увидев брата, она подшутила:

— Второй брат после свадьбы стал совсем другим человеком. Надеюсь, мой будущий муж будет похож на второго брата, который умеет ценить свою жену.

Все во дворе невольно рассмеялись. Ли Сянтао, проходя мимо, шлепнула её по плечу:

— Бесстыдница, чего городишь? Взрослая девка, а несешь чепуху.

И вообще, что за доблесть в мужчине, который целыми днями липнет к своему супругу, как этот Гу Ян? Вот её Чжэнь-эр — и учится блестяще, и завидный гер вроде Шэнь Чанхуаня на него глаз положил, вот насколько он способный!

Гу Сыюань кивнул всем присутствующим, оставил мясо на столе в главном зале и вошел в свою комнату.

Се Чаньюэ уже встал, оделся и обулся. Однако он всё еще не привык умыться на глазах у всего двора, полного мужчин и женщин, поэтому набрал воды и принес её в комнату.

Едва заведя Гу Сыюаня, он надул щеки и сердито воззрился на него.

Муж бросил на него взгляд и слегка нахмурился:

— Что случилось?

Чаньюэ повесил полотенце на стойку и, хлопая влажными глазами, прильнул к Гу Сыюаню:

— Почему ты не разбудил меня, когда вставал? Я тоже хотел пойти с тобой за мясом.

Последние несколько дней он каждое утро просыпался в объятиях мужа, и сегодня, не обнаружив его рядом, не на шутку испугался.

Видя, что тот немного расстроен, Гу Сыюань притянул его к себе и тихо успокоил:

— Я звал несколько раз, но ты не проснулся. Побоялся, что ты устал, и решил дать тебе поспать подольше.

Се Чаньюэ засомневался: хоть последние ночи и были утомительными, он не считал себя засоней. Впрочем, муж так добр к нему — он точно не станет лгать.

Он капризно выпятил губу:

— Тогда в следующий раз... обязательно разбуди. Я хочу быть с мужем. Куда ты — туда и я.

Гу Сыюань посмотрел на его надутые щеки, округлые и милые, и не удержался — ущипнул:

— Всегда со мной? Куда я — туда и ты? А как же твои цветы, разве ты не занят ими?

С тех пор как он отдал Чаньюэ семена кукурузы, этот парень бегал в огород за домом по восемьсот раз на дню.

Се Чаньюэ, не колеблясь, ответил:

— Тогда буду всегда с тобой, кроме того времени, когда смотрю на цветы.

Поглаживая его тонкую талию, Гу Сыюань подумал: «Изначально я хотел просто выполнить задание и взять Се Чаньюэ, чтобы было кому присмотреть за ним, а в итоге завел себе живую «липучку»».

После завтрака Гу Сьюань и Се Чаньюэ отправились с визитом в дом семьи Се. В такие гости полагается приходить пораньше.

Чаньюэ был верен своему слову: всю дорогу он шел, тесно прижавшись к мужу. Гу Сьюань в одной руке нес корзину, а другой крепко держал его за руку.

Как раз в это время крестьяне выходили на поля. Глядя на них, все отмечали, что чувства у молодых просто исключительные. Если бы не привычное холодное и строгое лицо Гу Сьюаня, которое держало людей на расстоянии, любители посудачить наверняка бы подошли с шутками.

В конце деревни семья Се, зная о визите, в полном составе ждала во дворе.

Се Эр, видя их близость, почувствовал, как на душе стало легче. Се Чаньюэ вырос не при нем, да и отношения с нынешней женой и сыновьями у него были прохладными — Се Эру в этой ситуации приходилось несладко. Но, в конце концов, это была его кровь, и он мог лишь надеяться, что после свадьбы жизнь у сына сложится удачно, а в будущем они смогут мирно общаться как обычные родственники.

Се Чаньюэ же сменил свой нежный и ласковый образ «сладкого пирожочка», который он показывал перед мужем, на вежливый и достойный:

— Отец, — поприветствовал он.

Гу Сьюань сложил ладони в жесте:

— Тесть.

Се Эр махнул рукой и улыбнулся:

— Хорошо, что вернулись. Проходите, присаживайтесь.

Они вошли в дом. Гу Сьюань выложил принесенные дары. Мясо, курицу и прочее сразу отдали в обработку. Лю Чжи развернула сладости и раздала всем присутствующим, остальное убрали в кладовую.

В главном зале Се Эр и Се Дун развлекали Гу Сьюаня беседой.

Се Чаньюэ решил заглянуть в свою прежнюю комнату — там оставалось кое-какое имущество, которое он хотел забрать. Однако, когда он толкнул дверь, комната предстала совершенно неузнаваемой.

Се Цю, заметив это со двора, холодно усмехнулся:

— Ты уже замуж вышел, чего высматриваешь? Теперь здесь кабинет моего брата Се Дуна.

Се Чаньюэ лишь презрительно усмехнулся, закрыл дверь и вернулся в главный зал.

Се Дун родился следующей зимой после того, как Лю Чжи вышла замуж за Се Эра. Он был всего на год младше Чаньюэ, рос в семье любимчиком и тоже посещал школу. Однако достаток семьи Се уступал дому Гу, поэтому Се Дун не мог учиться в уездной академии; он с малых лет ходил в частную школу к старому сюаю в соседней деревне. Говорили, что в учебе он весьма преуспел.

Гу Сьюань уже успел это прочувствовать. За те короткие мгновения, что они беседовали, юный господин Се Дун проявил неслыханное высокомерие. Несмотря на нежный возраст, он вел себя как старый педант: обожал поучать и бахвалиться.

Гу Сьюаню было недосуг тягаться с этим шурином, который по факту был четырнадцатилетним малолеткой, поэтому он лишь сухо поддакивал. Заметив, что Чаньюэ вернулся каким-то поникшим, он и вовсе потерял интерес к разговору с Се Дуном.

Он протянул руку, усадил своего супруга на табурет рядом с собой и, опустив взгляд, тихо спросил:

— Что случилось?

Се Чаньюэ лишь слегка улыбнулся и покачал головой, ничего не сказав. Гу Сьюань не стал допытываться. Они были в доме Се, и расстроил его кто-то из домашних. Если Чаньюэ не хотел прямо сейчас идти на открытый конфликт с отцом и братом, то и обсуждать это при них не стоило.

Гу Сьюань взял со стола кусочек сладости и протянул Чаньюэ:

— Съешь сладкого, полегчает.

Чаньюэ принял угощение, взглянув на мужа. Тот по-прежнему сохранял свой привычный холодный и строгий вид, но простая фраза заставила гера почувствовать себя так, словно его окутали теплом. Он откусил кусочек — и впрямь, очень сладко. С этой мыслью он, кусочек за кусочком, доел всё до конца.

Раньше, в поместье графа Суйнин, он никогда не любил сладости, считая их приторными. Но сейчас эта грубая, рассыпающаяся крошками выпечка, которая и в подметки не годилась изысканным десертам из его прежней жизни, казалась ему самым вкусным лакомством на свете.

В перерыве между разговором с Се Эром, Гу Сьюань заметил крошки на губах супруга и машинально вытер их краем своего рукава. Чаньюэ, придерживав рукав мужа, поднял голову и игриво высунул кончик языка.

Наблюдавший за этой сценой юный Се Дун счел такое поведение постыдным: в гостях, а ведут себя так нескромно! Подумать только, Гу Ян — тоже книжник, но при посредственных способностях и заурядных знаниях он еще и так нерадиво предается нежностям, вместо того чтобы отдавать все силы учёбе. С такой ленью он никогда не добьется звания, ему до брата Гу Чжэня как до луны.

Он притворно кашлянул:

— Слышал, зять собирается следующей весной идти на экзамены?

— Именно так, — Гу Сьюань бросил на него короткий взгляд и кивнул.

Се Дун вскинул подбородок, его глаза азартно блеснули:

— Учитель Чжан говорит, что я, возможно, тоже попробую свои силы в следующем году. А уж через год, когда пойду сдавать снова, непременно буду в списках победителей.

— Раз учитель советует, тебе стоит попробовать, — равнодушно отозвался Гу Сьюань.

Се Дун остался недоволен такой реакцией. В конце концов, он был почти на четыре года младше Гу Яна, но собирался сдавать экзамены одновременно с ним — неужели у этого человека нет ни капли стыда? Он продолжил:

— Зять надеется на высокий ранг при первой попытке? Брат Чанхуань, когда приезжал, говорил: если я через год сдам уездные и префектурные экзамены*, он поможет мне найти академию в столице.

[*Экзамен на звание туншэн (tóngshēng — «ученик») был первой ступенью в сложной системе государственных экзаменов (кэцзюй) в древнем Китае. Туншэн — это ещё не учёная степень, а лишь официальный статус кандидата, получившего право сдавать экзамены более высокого уровня. Это был не один экзамен, а серия из трех испытаний (уездное, окружное и префектурное).]

Услышав это, Се Эр изменился в лице, в его глазах отразилось смущение. Он невольно взглянул на Се Чаньюэ, но тот сидел рядом с мужем непоколебимо, словно ничего не слышал. А Гу Сьюань, сжимая руку Чаньюэ, даже не поднял головы:

— М-м. В столице много академий, это дело хорошее.

Видя такое безразличие, Се Дун почувствовал, как в нем закипает злость. Он холодно бросил:

— Неужто зять не хочет в столичную академию? Я мог бы замолвить словечко перед братом Чанхуанем...

— Не стоит, — Гу Сьюань наконец поднял на него взгляд. Ему захотелось посмотреть, как устроен мозг этого безголового идиота, который раз за разом поминает Шэнь Чанхуаня перед Се Чаньюэ.

Се Дун, увидев, что на него наконец обратили внимание, торжествующе усмехнулся:

— У зятя нет уверенности, что он сдаст префектурные экзамены через год? Что ж, «благородный муж в речах должен стремиться к искренности». Хоть знаний у зятя маловато, зато человек он честный.

При этих словах на ледяном лице Гу Сьюаня промелькнуло подобие улыбки. Цветок, распустившийся на льду, был пугающе притягательным и таинственным. Не только Се Чаньюэ, но даже Се Эр и Се Цю невольно засмотрелись.

А затем его губы разомкнулись:

— Тупой идиот, я терпел тебя очень долго. Давай заключим пари: на сколько мест в списке уездного экзамена мой ранг будет выше твоего, столько раз ты встанешь у входа в деревню и прокричишь: «Се Дун — первый в мире дурак». Идет?

Он говорил ровно и четко, так что никто в комнате не мог слышаться. Атмосфера мгновенно стала ледяной.

«...»

Лицо Се Дуна пошло пятнами, глаза покраснели от гнева и обиды, он едва не расплакался. В

следующий миг он с грохотом хлопнул по столу и вскочил:

— Ты... ты просто позоришь звание ученого!

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Кто тут позорит звание? Прыгать и хлопать по столу перед родным отцом — вот уж истинное воспитание и благонравие книжника!

— Ты... ты... — Се Дун тыкал в него пальцем, не в силах вымолвить ни слова.

Гу Сьюань отмахнулся от его руки, на его губах играла легкая усмешка:

— Хватит пустых слов. Ну так что, смелости хватит поспорить?

Се Дун уже готов был выкрикнуть: «Поспорим!», но, встретившись с уверенным взглядом оппонента, невольно заколебался. Сейчас это была лишь словесная перепалка, но если они ударят по рукам... в случае проигрыша его репутация будет уничтожена навсегда.

Се Эр, как глава дома, видя, во что превратился традиционный визит зятя, почувствовал досаду на всех разом: и на Се Дуна, и на Гу Сьюаня с Се Чаньюэ. Однако сейчас ему оставалось только увести Се Дуна в кабинет. Это не только спасало сына от позора, но и предотвращало немедленный уход гостей. Если бы Гу Сьюань и Се Чаньюэ сейчас просто хлопнули дверью, вся деревня смеялась бы над семьей Се, которая даже зятя покормить не смогла.

После ухода отца и сына Се Чаньюэ легонько сжал руку Гу Сьюаня, на его лице заиграла прекрасная улыбка. Гу Сьюань не изменился в лице, оставаясь таким же холодным, но смотрелись они вместе удивительно гармонично.

Се Цю, наблюдавший со стороны, тихонько фыркнул. Он вовсе не соперничал брату. Ему просто казалось несправедливым: он думал, что Се Чаньюэ, не выйдя за Гу Чжэня, будет влачить жалкое существование. Но этот Гу Ян, как оказалось, ничуть не хуже Гу Чжэня, да еще и защищает Чаньюэ всей душой. Как же Чаньюэ так везет...

Весь остаток визита Гу Сьюань больше ни с кем из семьи Се не разговаривал. Пообедав, они сразу вернулись в дом Гу.

Домашний быт шел своим чередом. Гу Сьюань стоял у окна, переписывая книги и заучивая тексты, а Се Чаньюэ бегал туда-сюда: то в огород за домом проведать свои «цветы», то к мужу — помогать растирать тушь или просто порисовать в свое удовольствие. Настоящая идиллия: «красный рукав источает аромат».

Вечером в спальне Се Чаньюэ увидел, как муж, сняв верхнюю одежду, уперся руками и ногами в пол в странной позе.

— Муж, что это ты делаешь?

— Тренируюсь, — не сбивая дыхания, ответил Гу Сьюань.

Чаньюэ с любопытством наблюдал, подперев подбородок. Когда Гу Сьюань двигался, мышцы на его спине и плечах бугрились, подчеркивая узкую талию и широкий разворот плеч. Видя, как перекачиваются мускулы, Чаньюэ не удержался и ткнул пальцем. Пальцы гера были

белыми и мягкими; от этого прикосновения Гу Сыюаню стало щекотно, и он чуть не потерял равновесие.

Он покосился на супруга и строго сказал:

— Не балуйся.

Се Чаньюэ фыркнул и попытался повторить позу, но тут же распластался на полу. Он не смог отжаться ни разу и заметно приуныл. Гу Сыюань, желая отвлечь его, сказал:

— Послезавтра я возвращаюсь в академию.

— А... — Се Чаньюэ округлил глаза, его лицо мгновенно помрачнело. — В академию... Почему так рано?

С этими словами он перестал обращать на Гу Сыюаня внимание и сел на кровать, подперев подбородок с самым несчастным видом. Видя его таким жалким, Гу Сыюань сделал еще пару отжиманий, встал и вытер пот мокрым полотенцем. Бросив полотенце, он сел рядом с Чаньюэ и ущипнул его за щеку:

— Что такое?

Чувства Се Чаньюэ были бесхитростны:

— Не хочу расставаться с мужем.

Сердце Гу Сыюаня немного смягчилось; это было странное чувство.

— Какой же ты у меня прилипчивый. Я буду в академии только днем на занятиях, а каждый вечер буду возвращаться домой. К тому же каждые десять дней у меня будет выходной.

— Ох... — Се Чаньюэ обнял его за руку и кивнул, но всё равно выглядел как увядший баклажан. Они женаты всего несколько дней, а уже приходится расставаться.

Гу Сыюань продолжил наставлять:

— Днем дома веди себя хорошо. Если что-то понадобится — проси маленького папу помочь.

— Ладно... — протянул Се Чаньюэ ленивым голосом.

Гу Сыюань подумал и сгреб его в охапку. Раз тот такой вялый, надо заняться чем-то, что придаст ему бодрости!

Как бы ни было грустно расставаться, Гу Сыюаню пришлось начать жизнь прилежного ученика. Правила в академии были суровыми: лень и прогулы не прощались. Если разгневать наставника и быть исключенным, репутация будет погублена навсегда, и ни одна приличная школа его больше не примет.

Гу Чжэнь уехал на день раньше. После получения звания туншэна он не остался в уездной академии, а отправился в префектурную школу города Тунчжоу. До Тунчжоу было около ста ли*, и по обыкновению, если не случалось ничего важного, Гу Чжэнь не возвращался домой на выходные. Скорее всего, семья увидит его теперь только на Праздник середины осени.

[*Ли (里, lǐ) — традиционная китайская мера длины, которая исторически имела разную длину,

но в настоящее время в КНР стандартизирована как 500 метров.]

Утренние занятия в уездной академии начинались в середине часа Чэнь (восемь утра). От деревни Хуанъян до уезда Уцин было около четырнадцати-пятнадцати ли. Обычным шагом путь занимал больше часа, но Гу Сьюань использовал это время для тренировки — легким бегом он добирался до городских ворот меньше чем за три кэ* (45 минут).

[* Кэ (匸, Кè) – это единица измерения времени, обозначающая одну сотую часть суток, то есть примерно 14.4 минуты.]

Войдя в городские ворота, он шел прямо по широкой улице Аньдин, затем сворачивал направо через каменный мост над чистым ручьем и попадал на улицу Шуши. Это было самое благородное место в уезде: здесь теснились академии и частные школы, а в конце улицы величественно располагались уездная управа и государственная школа. Лавки по обеим сторонам торговали либо «четырьмя сокровищами кабинета», либо чаем в тихой обстановке. Лишь изредка попадались лотки с едой.

Академия, в которой учился прежний владелец тела, называлась Академией Аньпин. Преподавали там в основном четыре наставника: один цзюйжэнь и три сюэя. Название «Аньпин» как раз и было вторым именем того самого наставника Ци, имевшего звание цзюйжэня.

Большинство учеников здесь готовились к экзаменам на звание туншэна, но были и те, кто уже получил туншэна или сюэя, но из-за низкого рейтинга не смог попасть в государственные школы уезда или префектуры — такие продолжали учиться здесь за плату.

Когда Гу Сьюань вошел в класс, там уже сидели трое. Двое из них жили в городе, а третий, как и он сам, был деревенским — он пришел так рано исключительно благодаря своему усердию. Встретившись взглядами, они поднялись, обменялись вежливыми поклонами и снова сели, тихонько забормотав тексты и мерно покачивая головами в такт заучиванию.

У Гу Сьюаня не было привычки качаться, поэтому он просто начал переписывать текст, одновременно тренируя почерк и запоминая содержание. Память у него всегда была отличной: что бы он ни прочел один раз, он запоминал основу, а если переписывал — мог цитировать наизусть хоть задом наперед.

В системе государственных экзаменов (кэцзюй) это давало колоссальное преимущество. Если не считать финального дворцового экзамена, где император сам придумывал темы и мог спросить о чем угодно, начальные этапы строились на «Четверокнижии» и «Пяти канонах». Особенно сложными считались темы по стратегии, где попадались отрывки из самых неожиданных и редких мест канонов — именно на этом «срезалось» большинство кандидатов.

Для Гу Сьюаня же таких препятствий просто не существовало. Ему нужно было думать лишь о том, как написать блестящее сочинение по стратегии (целунь), при этом не нарушив табу, не выпячивая гордыню и сумев угодить экзаменаторам.

Пока он размышлял, прозвенел колокол, и в класс вошел высокий худощавый человек. Наставником у тех учеников, кто еще не имел ученых степеней, был учитель Чэнь.

Учителю Чэню было сорок семь лет. Человек он был строгий. В прошлые годы он не раз пытался сдать экзамен на цзюйжэня, но безуспешно, поэтому в прошлом году стал

наставником в академии Аньпин. И хотя его собственные успехи на экзаменационном поприще были скромными, педагогом он был неплохим. Закончив толкование сегодняшнего канонического текста, он велел ученикам заучивать его наизусть и вникать в суть.

Гу Сьюаню хватило одного прослушивания, чтобы всё запомнить. Освободившееся время он по привычке использовал для того, чтобы записать пояснения наставника, добавив к ним собственные примечания и комментарии. Получился отличный конспект, который в будущем вполне можно было продать.

Учитель Чэнь, заметив, что один ученик выбивается из общего ритма, заложил руки за спину и, поглаживая бородку, подошел к нему. Изначально он был разгневан таким непослушанием и хотел сурово проучить юношу, но, взглянув на содержание записей и на «железные крюки» его каллиграфии, невольно замер. Затем он в восторге погладил бороду:

— Весьма недурно!

Гу Сьюань не изменился в лице, лишь поднялся и отвесил легкий поклон.

— На какое время наметил сдачу? — продолжил расспрашивать наставник.

Учитель Чэнь пришел лишь в прошлом году и еще не до конца изучил ситуацию каждого ученика, что было Гу Сьюаню только на руку.

— Следующей весной, во втором месяце, я хотел бы попробовать свои силы, — ответил юноша.

Согласно законам династии Да Чжоу, путь кэцзюй начинался с уездных экзаменов. Если везло и кандидат проходил все этапы, он мог дойти до самого дворцового экзамена. Уездные испытания традиционно открывались во втором месяце.

Учитель Чэнь удовлетворенно кивнул и тут же принялся гонять Гу Сьюаня по темам. Уездный экзамен — самый первый, его содержание было наиболее простым: обычно это написание по памяти двух отрывков из «Четверокнижия» или «Пяти канонов», составление стихотворения по заданному формату, а также знание «Священных наставлений» или «Канона сыновней почтительности».

Вопросы учителя не выходили за эти рамки. Для Гу Сьюаня цитирование текстов было делом элементарным, нужно было лишь следить за именами-табу. Он легко ответил на всё.

Наставник, никогда не видевший, чтобы каноны знали настолько назубок, вошел в азарт и задавал вопрос за вопросом. Под конец он, желая подловить ученика, начал спрашивать по самым редким и заковыристым местам, но Гу Сьюань отвечал без запинки.

Глаза учителя Чэня загорелись:

— База отличная, юноша весьма прилежен и усерден.

В ту эпоху учителя и отцы предпочитали бранить младших, а не хвалить, чтобы те не загордились. Поэтому слова учителя Чэня были оценкой чрезвычайно высокой. После этого он велел Гу Сьюаню написать два стихотворения в экзаменационном формате.

Таланта к поэзии у Гу Сьюаня было немного, но, как говорится, «кто триста танских песен знает — и сам стихи слагать начнет». Накопленных знаний хватило, чтобы выдать вполне достойные строки, хоть и без особого блеска. Учитель Чэнь, посмотрев результат, не испытал такого восторга, как от каллиграфии, но остался доволен: при таких успехах уездный экзамен

будет пройден без проблем, причем с высоким рейтингом.

Учитель Чэнь пришел в академию позже остальных и имел самый малый стаж, поэтому ему очень хотелось выпустить учеников, которые пройдут хотя бы уездные и префектурные уровни. До этого у него не было фаворитов, но теперь, после месячного перерыва на полевые работы, его ждал сюрприз.

Подумав, наставник вывел на бумаге несколько иероглифов.

— Выполни это обязательно к завтрашнему дню. Я проверю перед началом утренних занятий,
— сказал он Гу Сьюаню.

— ... — Гу Сьюань.

Учитель явно возлагал на него большие надежды. Эти иероглифы были темой для целунь (трактата по стратегии). Видимо, наставник считал, что уездный экзамен Гу Сьюань пройдет наверняка, и решил заранее готовить его к префектурному уровню (фуши). На префектурном экзамене, как и на уездном, есть задания на память и стихи, но добавляется анализ прозы и, самое важное, полноценный трактат. Это самая сложная часть, по которой судят о кругозоре и истинных способностях человека.

Впрочем, это как раз устраивало Гу Сьюаня. Он планировал сдать не только уездный и префектурный, но и юаньши (экзамен на степень сюэца) за один год. Юаньши проводился раз в два года, и если не сдать в следующем, придется ждать еще три — столько времени у него не было. Поэтому Гу Сьюань с готовностью поклонился и принял задание. Видя спокойствие и уверенность ученика, учитель Чэнь окончательно растаял.

Когда погружаешься в науку, время летит незаметно. На обеденном перерыве Гу Сьюань купил за три медных монеты миску горячего супа в лавке у академии и съел его с жареными лепешками, которые маленький отец приготовил ему с утра. Весь вечер наставник Чэнь объяснял правила стихосложения и анализа текстов. В час Юй (пять вечера), когда солнце начало клониться к закату, занятия закончились.

Гу Сьюань не стал задерживаться. Стоило учителю выйти из класса, как он уже сложил вещи в плетеный короб, закинул его на плечи и вышел. Это напомнило ему школьные годы. Вспомнив школу, Гу Сьюань почему-то представил лицо Се Чаньюэ — но с короткой стрижкой, в пиджаке и школьной форме. И этот образ не показался ему странным или нелепым, будто парень действительно так когда-то выглядел.

Гу Сьюань усмехнулся: неужели за один день он так соскучился по своему супругу, что начал бредить? Кто из них больше привязан друг к другу: Чаньюэ к нему или он к Чаньюэ?

Он шел быстро, и вскоре уже миновал каменный мост и вышел на широкую улицу Аньдин. Вокруг кипела жизнь, пахло едой. Случайно бросив взгляд на лавку с вывеской «Баосянчжай», Гу Сьюань остановился. По памяти прежнего владельца он знал, что это лучшая кондитерская в уезде Уцин. Вспомнив, как забавно Чаньюэ уплетал сладости в гостях у семьи Се, он решительно направился к лавке.

Вышел он оттуда с двумя пакетами сладостей. Покинув город, он закинул их в короб. Обратно он двигался в том же темпе, что и утром: когда на дороге никого не было — бежал. С научной точки зрения, вечерние аэробные нагрузки даже эффективнее утренних.

Деревня Хуаньян, дом семьи Гу.

Гу Лаоэр вернулся с гор и, увидев, как Му Ся во дворе пакует сою в мешки, поспешно скинул короб и дрова, чтобы помочь.

— Почему ты один? — спросил он. — Где невестка? Он же помогал тебе, когда я уходил.

Му Ся выпрямился и указал на калитку. Гу Лаоэр поднял брови:

— Ушел? Ты же весь день уговаривал его выйти проветриться, а он не хотел.

Му Ся улыбнулся и указал на небо. До Гу Лаоэра дошло: солнце село, час Юй миновал, а значит, его сын вот-вот вернется с занятий.

Отец не удержался от смешка:

— Кто бы мог подумать? Я всё переживал, что мой сын вечно молчит и носа не поднимает — как он себе жену или супруга найдет? А теперь посмотри — так очаровал маленького гера, что тот и на миг расстаться не может!

Му Ся шутливо шлепнул его по плечу и строго посмотрел. Негоже отцу за спиной сына такое говорить! Но вспомнив, сколько раз за день Чаньюэ спрашивал его, когда же Гу Ян закончит занятия и сколько идти от академии до дома, Му Ся и сам тихонько рассмеялся.

Сын и его супруг живут душа в душу, редко встретишь такую привязанность...

А тем временем Се Чаньюэ стоял на большом камне у въезда в деревню, вытянув свою стройную шею и во все глаза глядя на дорогу, ведущую из уезда.

Однако он высматривал напрасно — на дороге так никто и не появился.

Впрочем, Чаньюэ не унывал. Перед тем как прийти сюда, он проходил мимо солнечных часов у входа в родовый храм — было всего три кэ часа Юй (17:45). Если бы он сам шел из города в деревню, это заняло бы почти два часа; муж, конечно, ходит быстрее, но и ему потребуется не меньше пяти-шести кэ.

Раз занятия заканчиваются только в час Юй, то до возвращения еще далеко.

Простояв так какое-то время, Се Чаньюэ спрыгнул с камня и, подперев подбородок ладонями, сел на корточки рядом. Он принялся рассеянно разглядывать два куста гардении у въезда в деревню, с которых уже осыпались цветы.

Повитав немного в облаках, он опустил голову, подобрал плоский камешек и начал выводить иероглифы на мягкой земле. Стоило ему написать это имя, как в душе словно распустились цветы.

Чем больше он писал, тем радостнее ему становилось, и он даже не заметил, что кто-то подошел совсем близко.

— Неплохо. Уже на четыре десятых достигло моего мастерства! — раздался над головой холодный и низкий мужской голос.

—